

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ДЕНЬГИ — ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ДЬЯВОЛА

ПРОСТУПОК СЫЩИКА

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Проступок сыщика

«PEN-клуб»

2013

Абдуллаев Ч. А.

Проступок сыщика / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2013 — (Дронго)

Компания «Инсеко» участвовала в тендере на поставку оборудования для нефтедобывающей промышленности на сумму сорок семь миллионов долларов и, по всем прогнозам, должна была победить. Однако тендер неожиданно выиграла неизвестная фирма-однодневка: за несколько часов до аукциона ее руководство предложило более выгодные условия. Вице-президент «Инсеко» Вадим Трегубов выяснил, что конкуренты снизили цену всего на две тысячи долларов. Это обстоятельство навело его на мысль, что кто-то из ближайшего окружения слил конкурентам информацию о проставленной в заявке на тендер сумме. Но кто? С этим вопросом бизнесмен обратился к известному сыщику Дронго...

© Абдуллаев Ч. А., 2013

© PEN-клуб, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чингиз Абдуллаев

Проступок сыщика

© Абдуллаев Ч.А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Компромисс – возможно, хороший зонтик, но почти всегда плохая крыша.

Джеймс Лоуэлл

Найти причину зла – почти то же, что найти против него лекарство.

Виссарион Белинский

Глава 1

Они сидели в его квартире в ожидании гостя. Дронго, как обычно,пил чай, Эдгар Вейдеманис также, как обычно, – кофе. Именно из-за него в доме всегда были банки с кофе, которыми сам хозяин квартиры почти не пользовался. Несмотря на седьмой час вечера, за окнами было еще светло, хотя в российской столице уже второй год было отменено «летнее время», как и по всей стране.

– Почему он не может обращаться в наш офис на проспекте Мира? – мрачно поинтересовался Вейдеманис. – Это очень опасно. И я тебе много раз об этом говорил. Но ты опять разрешил нашему очередному гостю появиться у тебя дома.

– Кажется, мы поменялись местами, – усмехнулся Дронго. – Раньше я возражал против такого потока гостей у себя дома, а сейчас ты считаешь, что их должен принимать Леня Кружков. А ты не задумывался над тем, что нашим некоторым гостям просто неудобно появляться в других местах, где их могут узнать или увидеть?

– Поэтому нужно так рисковать? – спросил Эдгар. – Это в девятнадцатом веке Шерлок Холмс принимал гостей у себя на Бейкер-стрит. Раньше сюда приходили хотя бы наши знакомые. А сейчас совсем чужие люди. Все эти времена частных расследований давно закончились. Это очень опасно, когда весь мир знает, в каком доме в Москве ты живешь.

– Мои данные есть в Интернете, – напомнил Дронго. – Там есть даже номера моих телефонов. И мой бакинский адрес там тоже указан. Мне еще повезло, что пока не все знают мой итальянский адрес.

– Кому нужно – знают, – возразил Вейдеманис, – и вообще непонятно, как можно работать в условиях, когда все знают, где ты живешь.

– Это опасно, когда ты работаешь агентом спецслужб, – согласился Дронго, – а когда ты аналитик, который еще и помогает некоторым гостям разбираться в их сложных делах, то нужно иметь квартиру, где можно принимать таких посетителей. И не забывай, что в этой квартире кроме тебя и наших гостей практически никогда не живет моя семья. Может, поэтому я не люблю, когда ко мне сюда приезжает Джил, даже на несколько дней. Кстати, клиентам великих сыщиков был известен адрес не только Шерлока Холмса. Они знали, где живет Эркюль Пуаро, где находится дом с орхидеями Ниро Вульфа и в каком месте обитает мисс Марпл и, наконец, где жил комиссар Мегрэ. Поэтому нет ничего плохого, если люди будут знать, где именно живу я. Как ты думаешь, у меня не появилась мания величия? Или уже можно ставить диагноз?

– Пока нет, – улыбнулся Вейдеманис, – но уже где-то рядом. Если будешь продолжать в том же духе, то скоро лопнешь от собственной значимости. Но на памятник все равно не рассчитывай. Хотя Мегрэ и Шерлоку Холмсу его уже поставили.

– Жалко, – сказал, сохраняя серьезность, Дронго, – что поделаешь, другое время. Сейчас любого человека можно легко вычислить по мобильным телефонам, кредитным карточкам, его компьютерным запросам и интернетовским связям. Сыщики не нужны, за окнами век операторов.

В дверь позвонили. Вейдеманис улыбнулся.

– Нужны, – убежденно произнес он. – Сейчас наш новый гость тебе это докажет.

Оба напарника были высокого роста. Примерно одного возраста. Только у Эдгара коричневые волосы начали уже седеть, а у его компаньона черные волосы стремительно выпадали. Обоих отличали внимательные, глубокие взгляды. У Вейдеманиса были рысьи глаза, у Дронго – глаза тигра. Только черного цвета. Первый был худощав, подтянут, второй массивен, широкоплеч.

Они знали о госте, который должен был появиться. Он уже несколько дней просил о встрече, терпеливо ожидая возвращения Дронго в Москву. Гость был довольно известным бизнесменом и вице-президентом крупной корпорации, занимавшейся поставками технологического оборудования в различные компании. Вадим Олегович Трегубов уже несколько дней просил о срочной встрече с Дронго. Впервые он позвонил еще две недели назад, когда самого хозяина квартиры не было в Москве. Затем после недолгого перерыва начал снова настойчиво звонить, прося о встрече с экспертом. Трегубов пояснил, что у него важное дело и ему требуется срочная помощь. И сегодня именно он появился в московской квартире Дронго, чтобы наконец изложить свое дело. Он вошел в квартиру и внимательно оглядел обоих мужчин, встретивших его на пороге. Чуть выше среднего роста, зачесанные назад волосы, узкое лицо, глубоко посаженные глаза, острый нос. Им было известно, что гостю исполнилось пятьдесят два года, он женат во второй раз и у него трое детей.

– Меня обычно называют Дронго, – представился хозяин квартиры, – а это мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис. Мы можем пройти в гостиную.

Трегубов энергично и крепко пожал руки обоим мужчинам и прошел в комнату. Было заметно, что его смутило наличие сразу двух собеседников. В гостиной он устроился в кресле, которое обычно предназначалось для гостей. Дронго уселся напротив. Вейдеманис разместился на диване.

– Хочу сразу вас предупредить, что во время моих расследований мне обычно помогает мой друг и напарник господин Вейдеманис, – пояснил Дронго, – которого я знаю вот уже полтора десятка лет и полностью ему доверяю. Поэтому вы можете говорить в его присутствии абсолютно спокойно.

– Я понимаю, – кивнул Трегубов, – хотя именно мое «доверие», похоже, и стало основной причиной моего появления в вашем доме, господин эксперт.

– Давайте с самого начала, – предложил Дронго, – вы хотели со мной увидеться по какому-то делу. Скажите, какая у вас проблема?

– Очень большая, – нахмурился Трегубов, – и очень неприятная. Но вы правы, начну с самого начала. Вам, очевидно, уже известно, что я первый вице-президент компании «Инсеко». И мое появление в вашем доме связано с моей служебной деятельностью, хотя и не только с ней. К большому сожалению, – добавил он после секундной паузы, – скажу откровенно, я колебался, прежде чем обратиться к вам. У меня слишком необычное дело.

– Вы еще ничего не сказали, – заметил Дронго. – Итак, почему вы колебались и о чем именно хотели со мной поговорить?

– Дело в том, что наша компания «Инсеко» принимала участие в большом тендере, связанном с поставками оборудования Газнефтепрому на сумму более чем в пятьдесят миллионов долларов, – начал Трегубов, – вы наверняка об этом уже слышали. В последние две недели на эту тему много пишут. Впрочем, я опять отвлекся. Тендер должна была выиграть наша компания. Мы предложили оптимальную цену в сорок семь миллионов долларов. Почти идеальная цена, если не сказать – абсолютно идеальная. Форма поставок, цена, качество, сроки, в общем, мы учли практически все факторы. Наши юристы постарались. Заявка была подготовлена, и мы были уверены, что сумеем победить. Но неожиданно выяснилось, что появилась небольшая компания «Орфей», которая решила принять участие в конкурсе. Такое забавное, с музыкальным уклоном название компании настроило нас на благодушный лад. Тем более компания была создана за несколько месяцев до тендера и с уставным фондом в десять тысяч рублей. То есть чуть больше трехсот долларов.

– Я знаю соотношение доллара к рублю, – сказал Дронго, – продолжайте свой рассказ.

– Конечно. Просто чтобы вы лучше поняли. И мы серьезно не отнеслись к этим «конкурентам». Но во время подведения итогов выяснилось, что они подали заявку на сорок семь миллионов сто сорок семь тысяч долларов. Для сравнения – наша заявка была подана на сумму

сорок семь миллионов сто сорок девять тысяч долларов. Разница слишком ничтожна, чтобы поверить в подобное невероятное совпадение.

– Значит, ваши службы допустили утечку коммерческой информации, которой воспользовались ваши конкуренты? – спросил Дронго.

– Если бы, – вздохнул Трегубов, – в том-то все и дело. Окончательная цена была принята нами буквально за несколько минут до того, как отправить нашу заявку. В кабинете были только мы вдвоем с президентом компании. И в последний момент мы решили, что будет правильно, если мы изменим цену с сорока семи миллионов четырехсот тысяч долларов до сорока семи миллионов ста сорока восьми тысяч. Двести пятьдесят две тысячи долларов – эту сумму, выплаченную нашим юристам за их работу по расчетам предварительной заявки, мы решили исключить из общей суммы, так как эти деньги мы уже выплатили из собственных ресурсов. Но об этом знали только мы двое. Заявка была отправлена днем, до двенадцати. Это был последний день приема заявок. И через два часа мы поехали в аэропорт. Президент нашей компании господин Рахимов улетал в Нью-Йорк на плановую операцию по шунтированию сосудов сердца. Ему уже далеко за шестьдесят, и проблемы появились давно. Он уже перенес инфаркт шесть лет назад. У него долго болела супруга. Онкологическое заболевание в последней стадии, которое невозможно было вылечить, несмотря на все усилия врачей. И две операции. Несчастная таяла буквально на глазах. Сабит Рахманович тяжело переживал все эти потрясения, а после смерти супруги получил еще и обширный инфаркт.

И конечно, все эти волнения и переживания сказались не лучшим образом. Рахимов дважды был в Америке, где ему посоветовали немедленно сделать шунтирование сосудов сердца. Он должен был лечь на операцию еще в начале этого года. Но ждал окончания срока подачи заявки на этот тендер. Я проводил его на самолет и вернулся к себе на дачу. В зале для официальных делегаций аэропорта Шереметьево он никому не звонил и ни с кем не разговаривал, кроме меня. А я вернулся к себе на дачу, когда туда приехал другой наш вице-президент, Лазарь Маркович Каплан, с которым мы говорили об этом тендере. И я назвал ему конкретную сумму. Последнюю сумму, которая была включена в заявку. Вы понимаете, что подозревать Рахимова или Каплана глупо, так как мы все трое потеряли большие деньги, но я рассказываю вам все по порядку, чтобы вы меня поняли.

Лазарь Маркович уехал от меня в восьмом часу вечера. Больше я ни с кем не разговаривал и никому ничего не рассказывал. На следующий день я поехал на работу примерно к десяти утра и весь день пробыл там. Но самое интересное, что в двенадцать часов того дня истек окончательный срок подачи заявок, – так вот мне позвонили и сообщили, что этот непонятный «Орфей» подал свою заявку за полчаса до полудня. Честно говоря, меня это даже немного позабавило. Откуда у компании с уставным капиталом в триста с небольшим долларов может появиться пятьдесят миллионов долларов? А на следующий день мы узнали, что проиграли тендер.

Трегубов вздохнул. Поправил галстук, блеснула запонка на манжете его рубашки. Он был одет в серый костюм, голубую сорочку с темно-синим галстуком в полоску.

– Потом мы, конечно, выяснили, с кем именно был связан «Орфей», – мрачно продолжил Вадим Олегович, – но дело уже не в этом. Когда мы узнали окончательную сумму, то стало ясно, что произошла утечка информации. Ведь двести пятьдесят тысяч мы убрали за минуту до того, как запечатали конверт, и об этом никто не должен был знать. Однако в «Орфее» все узнали и оформили свою заявку соответственно.

Дронго понимающе кивнул.

– Вы считаете, что они сумели каким-то образом узнать о вашей цене и поэтому перебили ее своим предложением? – уточнил он.

– Безусловно. Я в этом даже не сомневаюсь. Я говорил с Сабитом Рахмановичем, – ему нельзя волноваться в его положении, – и он тоже переживает. Причем уверен, что никому и

нигде не мог сказать о нашей окончательной цене. Лазарь Маркович тоже уверен, что никому не рассказывал. Документы готовила в приемной директора Полина Прокофьевна Рыбалко. Ей тоже за шестьдесят. Старая дева, уже больше тридцати лет работает с Рахимовым. Ей можно доверять абсолютно. Она скорее сгорит на костре, чем выдаст какую-нибудь информацию. Есть такие женщины, для которых работа – смысл их жизни.

– В таком случае кто еще мог узнать о стоимости вашей заявки? – спросил Дронго. – Вы могли уже вычислить круг подозреваемых?

– Мог, – согласился Трегубов, – и первое, что я сделал, это решил проверить – кто именно мог узнать об окончательной цене. Конверт запечатал лично я, и его не вскрывали в заявочной комиссии, в этом нет никаких сомнений. Остаются четверо. Рахимов, который сейчас находится в американской больнице, Полина Прокофьевна, в которой я абсолютно уверен, и мы с Лазарем Марковичем, подозревать которых просто глупо. Ибо тогда получится, что мы мазохисты или дураки.

– Все? – спросил Дронго.

– Нет, не все, – ответил Трегубов, – дело в том, что с Лазарем Марковичем мы разговаривали у меня на даче, когда там не было никого из посторонних. Именно в этот вечер моя супруга отпустила нашу кухарку, которая обычно помогала ей на даче. И в доме кроме моей жены были только мои близкие. Сын, дочь и невестка.

– У вас трое детей, – вспомнил Дронго.

– Старшая дочь Елена уже несколько лет живет в Германии, – пояснил Вадим Олегович, – у нее супруг немец. Она моя дочь от первого брака.

– Значит, число подозреваемых выросло? – спросил Дронго. – Или они тоже вне подозрений, как и остальные?

– Вы спрашиваете об этом у меня? – глухим голосом произнес Трегубов. – Я думаю, что теперь вы понимаете, насколько тяжело мне было решиться прийти к вам. Если первая четверка практически не вызывает у меня подозрений, то следующая четверка – это мои самые близкие и родные люди. Супруга, сын, дочь, невестка. Что делает мое положение еще более идиотским и странным. – Он тяжело вздохнул, снова поправил узел галстука и неожиданно спросил: – Что бы вы сделали на моем месте? Начали бы допрашивать своих родных и близких? Устроили бы им проверку? Что мне нужно делать? Подозревать свою жену или своего сына?

– В любом случае нужно было успокоиться и подумать, каким образом ваши конкуренты могли узнать о заявленной вами цене, – сказал Дронго.

– Вычислить возможного предателя. Даже если этот человек находится среди моих самых близких людей. Я поэтому и пришел к вам, чтобы вы мне помогли. Их восемь человек, всех я назвал. Кроме них никто не мог знать о предлагаемой нами цене. И знаете, что самое смешное? Единственный человек, которого я могу подозревать, – это я сам. Если выяснится, что эту цену назвал кто-то из моих знакомых и близких, это будет для меня трагедия.

– И вы хотите, чтобы я нашел вам этого человека?

– Конечно. Но у меня будут два непереманных условия. Первое – об этом никто не должен знать. Вы понимаете, насколько тяжело мне было появляться у вас с такой необычной просьбой. Никто и никогда об этом не должен знать. И второе условие – даже после завершения вашего расследования вы обязуетесь не разглашать информацию об этом деле без моего согласия. Я готов выплатить любой гонорар, но при непереманном соблюдении этих двух пунктов нашего договора.

– В общем, одно главное правило, – подвел итог Дронго, – чтобы никто не узнал о нашем расследовании и о том, почему вы обратились к нам. Но в этом нет ничего необычного. Моя профессия предполагает анонимность расследования. Хотя не скрою, что мне понадобится и ваша информация, гораздо более полная, чем все, о чем вы до сих пор рассказывали. И я буду задавать вам не всегда приятные вопросы, господин Трегубов. Вы должны это четко себе пред-

ставлять. Это тоже мое условие. Только абсолютное доверие и полная искренность помогут мне вычислить возможный канал утечки информации и помочь вам найти источники опасности. Вы должны меня понимать.

– Я понимаю, – кивнул гость, – можете не сомневаться. Я готов отвечать на все ваши вопросы. Потому что мне нужно разобраться, кто и каким образом передал информацию в этот «Орфей».

– А вам не кажется, что можно пойти и с другого конца? – спросил Дронго.

– В каком смысле? – не понял Трегубов.

– Может, попытаться выйти на возможного осведомителя через «Орфей»? Все гораздо проще и удобнее. Или вы даже не пытались?

Вадим Олегович невесело усмехнулся.

– Пытались, – понял Дронго, – вы сказали, что прошло уже две недели. Значит, вы пытались выяснить, кто именно мог сдать вашу информацию, но ничего не смогли узнать. Все правильно?

– Да, – вздохнул Трегубов, – все оказалось гораздо проще...

– И компания «Орфей» была создана кем-то из ваших основных поставщиков? – закончил за гостя Дронго.

– Откуда вы узнали? – дернулся Вадим Олегович. – Об этом пока никому не известно.

– Догадался. Раз вы все-таки пришли ко мне. Итак...

– Да. «Орфей» был создан их первым вице-президентом Скорынкиным Матвеем Михайловичем. Поэтому он так быстро создал компанию и, узнав нашу цену, перебил ее, предложил оформить свои услуги на две тысячи долларов меньше. Это при такой огромной сделке в пятьдесят миллионов долларов.

– Теперь все встало на свои места, – кивнул Дронго, – или вы еще что-то мне недоговорили? Две недели слишком большой срок для попытки подкупить кого-то в «Орфее» или узнать о том, что он был создан Скорынкиным. И еще один важный момент. Вы пытались связаться с нами примерно неделю назад, потом несколько дней молчали и снова начали поиски с утроенной энергией. Я могу узнать почему?

– Конечно, можете, – ответил гость. Он помолчал, словно собираясь с мыслями. Затем, наконец, решившись, сказал: – И еще. За это время произошло убийство. И именно поэтому я считаю, что только вы можете нам помочь.

– Мы вас слушаем.

– Только когда произошло это убийство, я понял, насколько все серьезно, – продолжал Вадим Олегович. – Дело в том, что сразу после оглашения итогов тендера я попросил о помощи начальника службы безопасности нашей компании. Он бывший следователь по особо важным делам. Больше двадцати пяти лет проработал в милиции. Андриян Чалмаев. Именно он предложил проверить мою дачу и наши кабинеты на предмет прослушивания. Ведь там могли быть установлены «жучки», и тогда не нужно было никого подозревать. Если наши конкуренты сумели каким-то образом поставить эти прослушивающие устройства.

– С этого нужно было начинать, – вставил Вейдеманис, – сейчас конкуренты действуют именно таким образом. Дешево и легко.

– Наша служба безопасности все проверила, – выдохнул Трегубов, – и ничего не нашла. Я сам говорил с Андрияном Максаковичем. А еще через два дня он погиб прямо у своего дома. Его сбила неустановленная машина, которую до сих пор не нашли.

Глава 2

Наступило недолгое молчание.

– Сколько ему было лет? – спросил Дронго.

– Пятьдесят шесть, – вспомнил гость, – в пятьдесят два он вышел на пенсию. Мы сразу взяли его руководителем службы безопасности. И за эти четыре года он ни разу нас не подвел.

– Вы считаете, что его смерть была не случайной?

– Убежден, – мрачно ответил Трегубов, – хотя так не думают в нашей госавтоинспекции. Машина сбила его недалеко от дома. Он ведь был не старый человек, довольно энергичный, сильный. Мог бы легко отбежать, отпрыгнуть в сторону. Но не успел потому, что машина специально его сбила. Это был большой темный внедорожник. Во всяком случае, так говорили свидетели. Я все подробно выяснил.

– Плохо, что машину не нашли, – проговорил Дронго, – похоже, против вас работали серьезные люди.

– Вы говорите так, чтобы меня успокоить или наоборот? – спросил Трегубов.

– Вы сами все прекрасно понимаете, – сказал Дронго. – Если смерть Чалмаева была не случайной, значит, он знал, кто именно мог сдать вас вашим конкурентам.

– Что еще хуже, – согласился Вадим Олегович. – Если бы среди них был только человек, передавший нашу информацию, то и тогда мне было бы очень непросто. А сейчас может получиться, что он еще и виноват в убийстве. Об этом даже подумать страшно. Это все, что я хотел вам рассказать. Теперь сами решайте, как вам поступить.

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Оба молчали.

– Вы согласны? – спросил Трегубов. И, не дожидаясь ответа, добавил: – Я готов выплатить вам любой в разумных пределах гонорар. Назовите ваши условия.

– Кошмар, – неожиданно произнес Дронго, – как деньги испортили бывших советских людей. Вы считаете, что все можно купить? Я молчу не потому, что думаю, как с вами поторгаться, а размышляю над тем, что именно вы мне рассказали. Полагаю, что насчет гонорара мы сумеем договориться. Вам нужно будет заехать к нашему другу Кружкову и заключить договор. Но сначала вам придется ответить на целый ряд моих вопросов, среди которых будут и не очень приятные. Но я вас заранее предупредил.

– Да, я понимаю. Хотя это действительно нелегко.

– И еще нам, возможно, придется задавать не очень легкие вопросы вашим близким. Это нужно в интересах нашего расследования.

– Это я тоже понимаю. Считайте, что получили мое согласие.

– В таком случае давайте начнем с вашего президента Рахимова. Ему уже сделали операцию?

– Еще на прошлой неделе. Поставили шесть шунтов. Сейчас он еще в больнице, но я с ним уже разговаривал, – ответил Вадим Олегович.

– У него большая семья? Кроме жены у него кто-то есть? Я имею в виду дети, внуки?

– Да, конечно. У него две дочери и трое внуков. Старшая дочь сейчас находится с ним в больнице. Она живет со своим сыном в Лос-Анджелесе и приехала специально, чтобы смотреть за отцом. Но извините, я не совсем понимаю смысла вашего вопроса. Какое отношение имеет семья Рахимова к нашему тендеру? Он вообще никому не говорил о конкретной цене.

– Вас не должны удивлять мои вопросы, – пояснил Дронго, – мне важно понять психологическое состояние вашего президента компании. Одно дело, если это человек, потерявший супругу и чувствующий себя одиноким в этом мире. Тогда и к своей работе он будет относиться соответствующим образом. А если у него имеется большая семья, то это совсем другое дело. Появляются новые стимулы в жизни.

– Понятно, – усмехнулся Трегубов, – все просто и гениально. Да, у него есть семья, и в этом плане у него есть еще нужные стимулы для продолжения жизни и работы.

– Кроме вас в доме было еще четверо. Вы сказали, что у вас дочь от первого брака. Значит, ваша нынешняя супруга – это ваша вторая жена?

– Верно. Трегубова Арина Савельевна. Она моложе меня на десять лет. С первой женой я развелся еще в середине девяностых. Точнее в девяносто четвертом. В девяносто пятом женился на нынешней. У нас семнадцатилетняя дочь Люба.

– Сын тоже от первого брака?

– Да. Он как раз приехал ко мне на дачу вместе со своей молодой женой. Ему двадцать шесть лет. Жене двадцать, сын сейчас работает в нашей компании.

– Давно?

– Уже второй год. Он раньше занимался своим бизнесом, но не очень удачно. И я решил, что будет лучше, если он будет работать в нашей компании. Алеша – очень исполнительный и надежный парень.

– Он давно женат?

– Нет. Только полгода. Супруга – студентка политехнического вуза. Учится на третьем курсе. Хорошая девочка. И такое смешное имя. Зовут Биби. Она по отцу киргизка, а по матери украинка. Красивая.

– Он часто бывает у вас в доме?

– Мой сын не мог этого сделать, – нервно ответил Трегубов. – Мне неприятны подобные намеки.

– Я задал вопрос, – терпеливо произнес Дронго.

– Нечасто. Но в тот вечер решил приехать, – с некоторым вызовом заявил гость.

– Вы его вызывали?

– Нет, – явно сдерживаясь, произнес Трегубов, – не вызывал.

– Тогда почему он приехал?

– Вам не кажется, что вопрос не только оскорбительный, но и глупый? Он приехал навещать своего отца.

– Именно в этот вечер?

– Да, именно в этот вечер. Не вижу в этом ничего необычного.

– Чем он объяснил появление в вашем доме?

– Ничем. Просто хотел заехать и переговорить. О чем именно, я сейчас даже не вспомню. Но мы вместе поужинали. Впятером.

– Ваша супруга работает?

– Нет. Занимается благотворительностью, помогает детскому дому в Туле. Окончила тульский педагогический. Ее родители оттуда. Дочь учится во втором медицинском на первом курсе, – не дожидаясь вопросов о дочери, сообщил Трегубов. – Я не думал, что все это будет настолько тяжело и неприятно.

– Теперь подробно расскажите о том, что именно вам говорил Чалмаев и как он погиб.

– Как только я узнал об итогах тендера, я сразу пригласил к себе Андрияна Максаковича и попросил его уточнить, каким образом могла произойти утечка информации. Я не мог поверить в случайность этой цифры. Две тысячи долларов на почти пятьдесят миллионов долларов. Невероятный масштаб. Сразу понятно, что нас подставили. Просто обманули. Создали фирму-однодневку и узнали про нашу цену. Поверить в совпадение невозможно. Я сразу заподозрил неладное. И никто бы никогда не поверил.

– Что вам сказал Чалмаев?

– Он тоже не поверил. И тогда проверил весь этаж, где расположены служебные кабинеты, своей аппаратурой. Даже пригласил какого-то специалиста из другой организации. Но «жучков» не нашли. Тогда он попросил у меня разрешения – проверить мою дачу. Я дал согла-

сие, и они отправились к нам. Разумеется, там тоже ничего не обнаружили. О чем Чалмаев мне сразу сообщил. Тогда я поручил ему узнать, откуда вообще взялась эта компания. Он довольно быстро выяснил, что она была создана за несколько дней до подачи заявки. Стало понятно, что нас просто кинули. Создали подставу, чтобы с ее помощью выиграть собственный тендер и начать переводить туда бюджетные деньги, что часто бывает в подобных случаях. Юридически, конечно, мы ничего не докажем. А через несколько дней Чалмаева убили.

– Чалмаев говорил вам еще что-нибудь?

– В каком смысле?

– Он ведь бывший следователь. Должен был понять, что, если ничего не обнаружено, значит, была утечка информации. Что именно он говорил вам об этом?

– Он сказал, что раз «жучков» не нашли, значит, кто-то намеренно выдал эту информацию.

– Кто именно? Кого он подозревал?

– Он не сказал.

– Вы говорили ему о вашей восьмерке?

– Конечно.

– Он подробно расспрашивал о каждом?

– Нет, не интересовался. На работе он всех прекрасно знал. А дома у меня почти ничего не спрашивал. Я думаю, что он был убежден в том, что сама утечка информации произошла на работе.

– Почему?

– Его мало интересовали мои родные и обстановка у меня на даче, больше переговоры с Рахимовым в его кабинете. Мне кажется, он был уверен, что нас все-таки подслушивали именно там. Чалмаев подробно расспрашивал меня о том, как я вызывал Полину Прокофьевну и о чем именно с ней разговаривал.

– С ней он разговаривал?

– С ней тоже. И с Лазарем Марковичем.

– О чем разговаривали, вам известно?

– Об итогах тендера, конечно. Но, насколько я знаю, ничего конкретного выяснить не удалось.

– Кто ведет уголовное дело по факту гибели Чалмаева?

– Фамилия следователя Парфентьев. В полиции все еще считают, что это мог быть случайный наезд. Старик переходил улицу в неположенном месте, так сказал мне один наш придурок полицейский. Для этого двадцатипятилетнего парня Чалмаев был стариком, который действительно переходил улицу в неположенном месте. Парфентьев тоже молод. Ему не больше тридцати.

– Чалмаева уже похоронили?

– Позавчера. Я ходил на похороны. Там было не так много людей. У нас быстро забывают своих бывших товарищей. Чалмаев жил один, с женой он давно развелся. На похоронах из близких присутствовали только его племянница и двоюродный брат. Жалко человека. Получается, что пострадал из-за нашего поручения. Если, конечно, его намеренно сбили.

– Нам понадобится пропуск в вашу компанию, – сказал Дронго, – и вообще необходимо побеседовать с каждым из возможных свидетелей.

– Давайте, – согласился Трегубов, – все равно хуже уже не будет. Можете приехать к нам на работу когда вам удобно.

– И еще нам нужно будет поговорить с членами вашей семьи, – повторил Дронго.

– Да, – нахмурился гость, – я помню. Скажу честно, что я долго колебался. Вы должны меня понять. Это не простое расследование, когда дело касается собственной семьи. Но я обя-

зан знать правду. Все, что угодно, но только правду. Если бы не этот случай с Чалмаевым, я бы, возможно, еще колебался. Но теперь отступать поздно.

– Утром мы приедем в вашу компанию, – заявил Дронго, – попросите Лазаря Марковича и секретаря президента компании быть на месте. Часам к одиннадцати, если можно.

– Обязательно, – согласился гость. – Еще что-нибудь?

– С кем еще вы обсуждали эти вопросы? После смерти Чалмаева?

– С Лазарем Марковичем, – вспомнил Трегубов, – и с Рыжанковым. Это заместитель Чалмаева. Он сейчас исполняет его обязанности.

– Сколько ему лет?

– Сорок четыре. Бывший капитан-десантник. Тяжело ранен в Дагестане. Комиссован. Мы взяли его по предложению Рахимова. Кажется, он знает его отца. Неплохой парень, но, конечно, не Чалмаев. При разговоре дергается. Он был контужен, два года провалялся в госпиталях. Пока временно заменяет Чалмаева, но, конечно, нужно найти на его место другого человека.

– Он тоже считает, что Чалмаева нарочно сбила машина?

– Нет. Он не высказывает своего мнения. Но я ему рассказал о своих подозрениях. Рыжанков хороший парень, но вы понимаете, что мы взяли его только из уважения к его отцу и вообще к его военным заслугам. Его наградили орденом Мужества.

– Понятно. А вы не пробовали выйти на эту компанию «Орфей» самостоятельно?

– Зачем? Или вы думаете, что у них может заговорить совесть? В современном российском бизнесе такие понятия, как совесть, мораль, нравственность, уже давно забыты.

– По-моему, эти понятия вообще забыты в любом бизнесе, – хмыкнул Дронго. – Но я спросил не из-за того, чтобы определить чьи-либо моральные принципы. Мне было важно уточнить, как именно вы действовали в последние дни. В данном случае вы поступили правильно.

– Хотя бы в этом, – печально произнес Трегубов. – У вас больше нет вопросов?

– Пока нет. До завтра, – произнес Дронго.

Трегубов поднялся. Следом поднялись хозяева. Гость двинулся к выходу. Уже перед дверью он остановился и, взглянув на Дронго, невесело добавил:

– Никогда в жизни не думал, что попаду в такую идиотскую ситуацию. И еще с моими близкими. Я дал себе слово, когда все закончится, построю в своем родном селе храм. Мой отец оттуда приехал в Москву еще в пятидесятые годы. Давно хотел помочь селянам. Если все закончится нормально.

Он повернулся, вышел из квартиры и закрыл за собой дверь. Дронго и Вейдеманис вернулись в гостиную. Сели на свои места.

– Что ты об этом думаешь? – спросил Эдгар.

– В то, что авария была случайной, я не верю. Тем более что машину не нашли, – признался Дронго, – только у меня другой вопрос, и, похоже, он самый важный. Зачем нужно было убирать этого Чалмаева уже после того, как тендер был выигран? Похоже, что этот вопрос как раз не очень волновал Трегубова, – заметил Дронго. – Его больше волнует, кто из его знакомых и близких мог оказаться источником информации. А не почему убили Чалмаева. А ведь причина убийства и есть главный ключ к разгадке этого преступления.

– Поедем завтра в компанию?

– Обязательно. И еще нужно будет заняться этим «Орфеем». Здесь вообще невероятный психологический этюд. Зачем им такое громкое убийство? Ведь они выиграли тендер. Все и так закончилось нормально, никаких проблем. К чему этот наезд на Чалмаева? Тогда выходит, что он знал какой-то секрет или был опасен. Вот они его и убрали.

– Ты думаешь, что он сам мог организовать прослушивание кабинетов, чтобы сдать информацию конкурентам?

– Нет, не думаю. Тогда бы его точно не убили. Ведь в этом случае он был уязвим. Здесь что-то другое.

– Тогда кто-то из этой восьмерки действительно сдал информацию.

– Скорее шестерки, – возразил Дронго, – самого Трегубова все-таки нужно исключить. И еще Рахимова. Зачем президенту компании настолько глупо и очевидно нецелесообразно сдавать интересы собственного детища? Остаются шесть человек. Только шесть человек, один из которых мог оказаться тем самым источником информации. Ты видел, как дергался наш гость, когда мы спрашивали его о членах семьи. Догадываюсь, что там не все в порядке, и поэтому этот факт нервирует его больше всего.

– Я обратил внимание, – согласился Вейдеманис, – видимо, в семье есть некоторое напряжение. Так бывает всегда в отношениях между первой и второй семьей.

– Шесть человек свидетелей и убийство начальника службы безопасности, – подвел итог Дронго, – значит, начнем с завтрашнего утра. И учти: если Чалмаева действительно убрали, то наверняка за самим Трегубовым тоже следили. Это к тому, что он сегодня приходил ко мне. Нам нужно быть готовым и к подобным неприятностям.

– Об этом я тебе сегодня говорил, – вздохнул Вейдеманис.

Глава 3

Компания «Инсеко» находилась в девятиэтажном новом здании, построенном на проспекте Академика Сахарова. Приехавшие гости предъявили свои документы, терпеливо дождались, когда им выпишут пропуска, а затем поднялись на восьмой этаж, где находились кабинеты руководителей компании. В приемной Трегубова их встретила молодая женщина лет тридцати. Высокого роста, с мускулистыми накачанными ногами, в костюме-двойке, юбка которого была гораздо выше колен, что позволяло оценивать красоту ее ног. Симпатичное лицо, несколько стянутое уколами ботокса, которые она уже начинала делать, несмотря на свой молодой возраст. Полные чувственные губы, наглые глаза. Она встретила их понимающей улыбкой, уже проинформированная об их появлении службой безопасности. Женщина проводила их в большой кабинет первого вице-президента компании. Вадим Олегович был сегодня в кремовом костюме, розовой сорочке и красно-белом галстуке. Энергично пожав руки гостям, он предложил им садиться.

– Давайте сразу перейдем в другой кабинет и переговорим с Лазарем Марковичем, – предложил Дронго.

– Хорошо, – согласился Трегубов, – пойдем вместе.

Они прошли в соседний кабинет. Здесь секретарем работала женщина лет пятидесяти. Она что-то искала в компьютере. Увидев гостей, поднялась и, обращаясь больше к Вадиму Олеговичу, чем ко всем остальным, сказала:

– Вас уже ждут.

Все трое прошли в кабинет Каплана. Этот кабинет был гораздо меньше прежнего. И скромнее. Чувствовалось, что он больше для работы, чем для представительских целей. Лазарь Маркович оказался мужчиной лет сорока пяти, подвижным, среднего роста, уже начинающим лысеть. У него были светлые глаза и большие уши, прижатые к голове. Увидев гостей, он выбежал из-за стола, почти радостно приветствуя их. Поздоровался с каждым.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил он гостей к длинному столу для заседаний.

– Это те самые господа, о которых я вам говорил, – напомнил Трегубов. – Они хотели с вами встретиться, и поэтому я не буду вам мешать, – проговорил он и вышел из кабинета.

Каплан с интересом оглядел гостей.

– Меня обычно называют Дронго, – представился эксперт, – а моего друга зовут Эдгаром Вейдеманисом.

– Я про вас слышал, – кивнул Лазарь Маркович, – говорят, что вы самый выдающийся сыщик среди ныне живущих. И умеете с первого взгляда видеть детали, недоступные для глаз остальных. И еще говорят, что вы обладаете поразительным даром угадывать по тембру голоса вашего собеседника, когда он говорит правду, а когда лжет.

– И еще я умею просвечивать людей взглядом, как рентгеном, – добавил Дронго, и все трое рассмеялись.

– Нет, серьезно, – заявил Каплан, – у меня много знакомых. Говорят, что на вашем счету немало успешно раскрытых дел.

– Как и на счету любого сыщика, – сказал Дронго, чтобы закончить эту тему. – Вы знаете, зачем мы сюда пришли?

– Конечно. Мы уже несколько раз обсуждали этот вопрос с Вадимом, – ответил Каплан, – и должен признаться, что это я посоветовал ему обратиться именно к такому специалисту, как вы.

– Когда вы узнали окончательную цену, предложенную вашей компании в этом тендере?

– Вечером того дня, когда улетел Рахимов. Я не мог его проводить, так как встречался с одним из наших иностранных поставщиков. Но вечером я заехал к Вадиму, и тот сообщил мне,

что окончательная цена была согласована без учета наших расходов на юридические экспертизы. Кстати, я был против. Ведь получалось, что эти расходы мы дополнительно брали на себя, что было, на мой взгляд, не совсем правильно. Однако окончательную цену Рахимов и Трегубов согласовали буквально за несколько минут до отъезда Сабита Рахмановича в аэропорт.

– И вы приехали узнать окончательную цену?

– Нет, конечно. Я поехал туда, чтобы уточнить, какие распоряжения дал Рахимов перед своим отъездом, и рассказать Трегубову о своих переговорах. Цена меня не так сильно волновала. Я знал, что она примерно согласована, но не мог предполагать, что Рахимов решит уменьшить ее еще на двести пятьдесят тысяч. Видимо, создание этого «Орфея» все-таки на него сильно повлияло. И он решил подстраховаться.

– Кто-нибудь присутствовал при вашей беседе?

– Нет. Мы были в кабинете Вадима на даче. Кажется, один или два раза заходила его супруга, приносила нам кофе. Она сказала, что отпустила кухарку. И еще один раз зашел его сын. Хороший парень. Алексей сейчас работает у меня в отделе, занимается нашими зарубежными связями.

– Вы никому не рассказывали об окончательно утвержденной цене?

– Вы могли бы и не задавать мне этот вопрос, – улыбнулся Лазарь Маркович, – я ведь не ребенок. Между прочим, я работал больше семи лет в Центральном банке, а уже потом перешел сюда на работу. Я умею хранить секреты, господин эксперт.

В кабинет вошла секретарь и спросила, кто из гостей будет пить кофе или чай. Вейдеманис попросил кофе, Дронго предпочел зеленый чай. Каплан ничего не сказал, но было понятно, что секретарь сама знает, что именно будет пить ее босс. Так и получилось. Ему она принесла слабозаваренный черный чай.

– Если вы работали столько лет в банке, то должны понимать абсолютную невозможность случайного совпадения той цены, которую предложила компания «Орфей».

– Это даже не обсуждается, – хитро улыбнулся Лазарь Маркович, – таких случайностей не бывает в принципе. Подобное совпадение может быть одно на двадцать миллионов. На пятьдесят миллионов долларов разница в две тысячи – это настолько ничтожная цифра, что об этом не стоит даже спрашивать. Там тоже сидят дураки, могли бы сделать разницу тысяч в сто или в двести. Значит, не просто дураки, а жадные дураки.

– Вы знаете, кто создал «Орфей»?

– Тоже мне секрет Полишинеля, – буркнул Каплан, – я ведь сказал, что работал больше семи лет в Центральном банке. В самые сложные времена, в девяностые годы, когда там только присутствие Геращенко спасало нас от жутких неприятностей. И поэтому имею представление не только о финансовых возможностях разных компаний и конкретных людях, но и понимаю механизмы работы этих структур. Скорынкин ведь прекрасно понимал, что его афера быстро раскроется. Уже на следующий день после оглашения итогов тендера мы знали, кто именно стоит за этим «Орфеем». Их руководитель всего лишь подставное лицо. Откуда у него могут появиться лишние миллионы долларов, которые нужно вложить в поставки комплектующих и запасных частей? Эти деньги мог дать только Матвей Михайлович, который и начал переводить туда средства со своих счетов. Все оказалось очень просто. Он все просчитал и понял, что даже таким огромным заказом все это не ограничится и кроме первого тендера наверняка будут второй и третий. Ведь Роснефтегазпром принадлежит государству. А воровать государственные и бюджетные деньги всегда приятнее, выгоднее и проще, чем воровать у конкретных частных бизнесменов, которые будут сражаться за каждую копейку. Государственные деньги бесхозные. Они как золото, которое якобы кто-то охраняет. Оставьте часть золота охраннику и можете уносить все остальное. Это ведь не его деньги, и поэтому он не собирается за них драться. А вот попробуйте отнять деньги у частного лица. Даже оставив ему половину.

– Прекрасная лекция о том, как удобно воровать государственные бюджетные деньги, – согласился Дронго, – и поэтому они создали «Орфей»?

– Конечно. Дело не в том, что они перебили нашу цену, предложив на две тысячи меньше и формально выиграв тендер. Дело в том, что они придумали свою компанию для того, чтобы начать с ее помощью выкачивать бюджетные деньги. Поэтому на месте Вадима я бы не стал так нервничать, а попытался снова договориться с Матвеем Михайловичем. Его компания просто не потянет все поставки и все равно обратится к нам. Нужно уметь договориться во всех случаях. Понятно, что теперь «Орфей» будет выигрывать все тендеры и, возможно, станет их главным подрядчиком. Но точно так же мы можем стать главным субподрядчиком и, даже потеряв на первом тендере, начнем зарабатывать на остальных.

– Вы деловой человек, Лазарь Маркович, – усмехнулся Дронго.

– Это означает, что я циник, – улыбнулся в ответ Каплан, – но сейчас такое время. И хороший бизнесмен просто обязан быть циником. Иначе не выжить.

– Вы решили договориться с ними после того, как ваша компания проиграла тендер, или до этого? – уточнил Дронго.

– Не нужно, – покачал головой Каплан, – не надо меня обижать. Циник не значит предатель. И тем более не значит, что я дурак. Зачем сдавать интересы собственной компании, в которой мне принадлежит пятнадцать процентов всего капитала. Нужно быть полным профаном. Нет, конечно. Я никому не сдавал информации и вообще не думал, что они могут поступить так бесцеремонно и нагло. Но они сделали то, что сделали. И теперь нужно решать, как выпутываться из этой ситуации с наименьшими потерями.

– А убийство Чалмаева? Это всего лишь небольшие потери?

– Не нужно придирайтесь к моим словам, – попросил Каплан, – я не имел в виду несчастный случай с нашим начальником службы безопасности.

– Вы считаете, что это был несчастный случай? Ваш первый вице-президент думает иначе.

– Он стал слишком подозрительным после этого прискорбного случая с проигранным тендером. Возможно, это была всего лишь случайная авария. Вы знаете, сколько людей гибнут в авариях на наших дорогах.

– Вы не просчитывали возможную случайность такого события на ваших компьютерах? – поинтересовался Дронго, не скрывая сарказма.

– Один ноль в вашу пользу, – рассмеялся Лазарь Маркович, – не просчитывал. Но возможно, Вадим прав. И вы правы. Это не случайная авария. Но зачем заострять внимание на этой проблеме, понимая, что ни к чему хорошему наше расследование не приведет. Или вы считаете, что Чалмаев мог сдать эти цифры «Орфею»? Только он не был выдающимся финансистом, способным разбираться во всех тонкостях составленной нами заявки.

– А если он подслушал разговор между Рахимовым и Трегубовым, а потом решил сообщить об этом конкурентам? – спросил Дронго.

– Не думаю, – нахмурился Каплан, – тогда он мог услышать более важную информацию по нашим зарубежным поставкам, которые должны были интересовать наших конкурентов гораздо больше. Ведь при прямом выходе на этих поставщиков и зная окончательные цены, они могли просто выйти на них с более выгодными предложениями.

– Тогда кто-то сдал эту информацию «Орфею». И вы знаете, что Вадим Олегович сильно комплексует, пытаясь определить, кто именно мог это сделать.

– Я бы тоже комплексовал на его месте, если бы среди подозреваемых были моя жена, дочь, сын, невестка, – признался Лазарь Маркович, – ведь кто-то действительно сдал эти цифры нашим конкурентам. И вы напрасно пришли в первую очередь разговаривать со мной, так как я не до такой степени глуп, чтобы сливать подобную информацию нашим конкурентам. Не говоря уже о том, что я мог оказаться куда более полезным информатором, если бы решил

работать на конкурентов. Но главный вопрос – зачем? В силу какой корысти? Если я только теряю, а ничего не получаю?

– Вы всегда так рационально мыслите?

– Всегда. Во всяком случае, стараюсь.

– Но мы пришли к вам не потому, что считаем вас главным информатором ваших конкурентов, – возразил Дронго, – мы пришли выявить возможный источник информации. Может, вы случайно где-то назвали эту цифру. В разговоре с кем-то из своих друзей, знакомых или близких.

– Это мы тоже выясняли, – вздохнул Лазарь Маркович. – Заявка «Орфея» была подана на следующий день в половине двенадцатого дня. Чтобы ее оформить, нужно часа полтора. Все перепечатать и подписать. И еще туда отвезти. Значит, они начали в девять утра, не позже. Плюс-минус десять-пятнадцать минут. Закончили примерно в половине одиннадцатого, даже в одиннадцать, и повезли свою заявку, чтобы в половине двенадцатого ее сдать. И еще очень рисковали попасть в пробку. Я не аналитик, как вы, но могу сделать однозначный вывод, что конкретную цену они узнали до того, как начался рабочий день. Значит, узнали либо рано утром, до начала рабочего дня, либо поздно вечером. Мне об этом стало известно примерно в восемь часов вечера. Попрощался с Вадимом и поехал к себе на дачу. По дороге ни с кем не разговаривал, смотрел газеты. Приехав на дачу, я, не поужинав, отправился спать. Рядом со мной в тот вечер не было даже моей супруги, она сейчас в Великобритании у нашей дочери. Любвицы у меня там не бывает, на дачу, во всяком случае, она не приезжает, – быстро поправился Каплан, – а это значит, что в любом случае утечка информации произошла не по моей вине. Значит, вечером наши конкуренты уже знали об этой цене, если рано утром начали срочно готовить свою заявку. Вот вам и конкретный расчет.

– Вам нужно работать сыщиком, – сделал комплимент своему собеседнику Дронго.

– Мне и на моем месте неплохо, – улыбнулся Лазарь Маркович, – но в любом случае спасибо за комплимент.

– Как вы считаете, сам Рахимов мог по дороге в аэропорт кому-то сообщить об изменившейся цене? Учитывая его состояние?

– Ни в коем случае. Он действительно плохо себя чувствовал. И с ним все время был Вадим Трегубов. Нет, я уверен, что Рахимов не успел бы никому ничего сказать до посадки в самолет. А потом уже было поздно. Пока он долетел в Америку, пока разобрался, что к чему. Нет, это исключено. Его мысли были заняты совсем другими проблемами. И он точно не сумасшедший, чтобы рассказывать кому-то об изменившейся цене, понимая, что эту информацию могут довести до конкурентов.

– Тогда остаются пять человек, из которых четверо близких родственников вашего первого вице-президента, – напомнил Дронго.

– И Полина Прокофьевна Рыбалко, которая работает в приемной Рахимова с момента создания компании, – закончил за своего собеседника Лазарь Маркович. – Ситуация более чем странная. Скорее можно подозревать одного из четверых родственников Трегубова, чем нашу сотрудницу. Кремень, а не женщина. И, по-моему, тайно влюблена в Рахимова вот уже много лет. А тем более в последние годы, когда он потерял свою супругу. Вы не поверите, но она буквально заставила Сабита Рахмановича бросить курить. Лично следит за его диетой, приемом лекарств. В общем, добрая и полезная няня, заботливый друг, сиделка и личный диетолог. Все в одном лице. Между прочим, говорят, что кто-то из ее родственников в годы Великой Отечественной войны был маршалом. Я правда не верю в эти глупые слухи. Маршалов с такой смешной фамилией на войне не было. Они все на слуху. Жуков, Рокоссовский, Василевский, Конев. Но сами слухи тоже чего-то стоят.

Дронго и Вейдеманис переглянулись. Оба улыбались друг другу, им было смешно.

– Вас плохо учили, Лазарь Маркович, – покачал головой Дронго, – странно. Мне казалось, что вы должны были быть в школе отличником.

– Нет. Я был хорошистом. Отличные отметки имел по математике, физике, геометрии. А по истории и обществоведению четверки. Никогда не любил отвлеченную болтовню.

– В годы войны был такой командующий третьей танковой армией генерал Рыбалко, а в сорок пятом он стал маршалом бронетанковых войск, – вспомнил Дронго, – странно, что вы не слышали такой запоминающейся фамилии.

– Я вообще не люблю эти военные истории, – признался Каплан, – все эти ужасы Второй мировой войны и их героев, половина из которых была либо фанатиками, либо безумцами. Столько намешано всякого вранья. Я человек более конкретный, практичный. Финансы, статистика, цифры – это мое. А рассуждения, легенды, байки, выдумки – от всего этого я далек.

– От войны тоже? – спросил Дронго. – Но этого просто не может быть. Во время войны представители вашего народа четко понимали, за какие интересы нужно воевать.

– У меня дед погиб на Курской дуге, – сообщил Лазарь Маркович, – а другой дед умер на военном заводе от истощения. И еще человек восемь в нашей семье погибли в разных лагерях. Насчет интересов вы правильно сказали. Только сейчас другое время. Я очень уважаю своих погибших дедушек и преклоняюсь перед их подвигом, но вы же прекрасно знаете, сколько вранья и легенд ходило вокруг нашей победы во Второй мировой войне. Сейчас понятно, что Сталин был такой же тиран, как и Гитлер. Почитайте хотя бы Гроссмана. Между прочим, я его прочел. Тожество режимов. Недавно была хорошая передача по телевидению. Там еще здорово выступал режиссер Марк Розовский. Он тоже говорил о чудовищном сталинском режиме. Разве можно верить советской пропаганде, в которой столько лжи и подтасовок фактов?

– Поразительно, – сказал Дронго, – никогда в жизни не мог даже предположить, что мне придется доказывать представителю еврейского народа абсолютную глупость таких суждений. И ошибочность позиции не только Розовского, но и прекрасного писателя Гроссмана.

– Вы хотите поспорить и с Гроссманом? – улыбнулся Каплан.

– Обязательно поспорю. Между прочим, два брата моего отца погибли на той страшной войне. И я сам знаю, что такое война. Только я говорю не о той, которая была задолго до моего рождения, а о других, локальных, небольших. Но я отвлекся. Хочу объяснить, почему я не согласен ни с вами, ни с Гроссманом, ни с Розовским. Дело в том, что этот чудовищный и позорный тезис о тождестве двух режимов постепенно внедряется в сознание людей, которые часто даже не понимают, о чем именно идет речь. Великий роман Гроссмана рассказал правду о том, что было в сталинские времена в стране. И я не готов оправдывать их ни при каких обстоятельствах. Это реалии истории. Но я абсолютно убежден, что умный человек и фронтовик Гроссман прекрасно понимал разницу между режимами Гитлера и Сталина. А вот режиссер Розовский их понимать не хочет. Для него они абсолютно равны и чудовищно преступны. Только есть один нюанс, который никто не хочет учитывать. Если бы победил Гитлер, не было бы ни романа Гроссмана, ни режиссера Розовского, ни финансиста Каплана. Понимаете? Ни в коем случае не оправдывая Сталина, я хочу сказать, что нельзя сравнивать два режима. Хотя бы из уважения к вашему народу, который тогда четко сделал свой выбор. Я не слышал, чтобы евреи дрались на стороне Гитлера или защищали его режим. А сейчас, сравнивая Сталина и Гитлера, мы невольно подменяем понятия. И это очень опасно, Лазарь Маркович. Этим мы еще и оскорбляем память ваших погибших дедушек. Они тогда сделали свой выбор. И память миллионов людей, которые дрались на стороне справедливости. Можете считать меня апологетом Сталина, но тогда справедливость и добро были на стороне Сталина, а за зло сражались отряды Гитлера. На войне иногда нужно отбросить в сторону все интеллигентские рассуждения, взять оружие и определить, на чьей стороне сражаться. Убивать других, чтобы победить зло. Поэтому я готов спорить с любым, кто посмеет сравнивать Советский Союз и Германию во время Второй мировой войны. Это не только противоречит истории, это извращает сами поня-

тия добра и зла. И оскорбляет миллионы погибших во время войны людей, которые четко понимали, на чьей стороне нужно сражаться. При Сталине был антисемитизм и печально известное «дело врачей», среди которых почти все были евреи, и было убийство Михоэлса. Я все это знаю и помню. Но шесть миллионов евреев замучили в концлагерях фашисты. И только за то, что они были евреями. А в Советском Союзе не убивали человека только за принадлежность к вашей нации.

Лазарь Маркович поднял обе руки.

– Сдаюсь, – шутливо произнес он, – не буду с вами спорить. И даже готов выдать премию Полине Прокофьевне в память ее героического родственника.

– Сначала мы пройдем к ней, чтобы переговорить, – предложил Дронго, – и еще я хотел спросить у вас, что вы думаете насчет двух ваших сотрудников. О погибшем Чалмаеве вы немного сказали. И еще о Рыжанкове, который заменяет погибшего начальника службы безопасности.

– Чалмаев был опытным человеком, – сказал, немного подумав, Каплан, – несколько зашоренным, какими обычно бывают проработавшие много лет на одном месте сотрудники правоохранительных органов, но волевым. Неплохим организатором. Хотя был мрачным, с людьми сходилась не очень хорошо. Склонен к авторитарному правлению, как любой старший офицер. Рыжанков в этом плане еще хуже. Вообще не любит разговаривать и поэтому предпочитает молчать и слушать. Получил серьезное ранение, и это на нем сильно сказывается. Я думаю, что мы вообще напрасно его держим. У него инвалидность второй группы, и ему не следует работать, тем более на такой ответственной должности. И я думаю, что его скоро заменят.

– Ясно, – кивнул Дронго, – спасибо за беседу, Лазарь Маркович.

– Вам тоже спасибо. За политинформацию, – иронично произнес Каплан, протягивая ему руку, – идемте, я провожу вас в приемную директора. Она находится в конце коридора.

Глава 4

Втроем они прошли по коридору. Дронго обратил внимание на камеры, установленные в коридоре. Лазарь Маркович заметил его взгляд.

– Когда их установили? – поинтересовался Дронго.

– Еще два года назад, – пояснил Каплан. – Чалмаев настаивал на том, чтобы везде были установлены камеры круглосуточного наблюдения. На девятом этаже есть две комнаты для операторов службы безопасности. Они сейчас тоже нас видят.

В просторной светлой приемной за столом у дверей сидела пожилая женщина лет шестидесяти. У нее были каштановые волосы, очевидно, она их красила, вытянутое полноватое лицо, большие карие глаза, узкий нос. При появлении гостей она поднялась, сняла очки. В другом конце приемной сидел еще один молодой человек. Ему было не больше тридцати.

– Полина Прокофьевна, – показал на нее Лазарь Маркович, – прошу любить и жаловать. А это господа эксперты. Можете с ними переговорить.

Она была в строгом темном костюме. Юбка, пиджак. Полина Прокофьевна сурово взглянула на гостей, словно сама собиралась их допрашивать. Каплан вышел из приемной, не представив молодого человека, стоявшего на другом конце приемной.

– Кто это? – спросил Дронго.

– Он пока заменяет помощника Сабита Рахмановича, который обычно там сидит, – пояснила Полина Прокофьевна. – Но сейчас он в отпуске.

– Давно он в отпуске?

– Уже три недели. Рахимов собирался уезжать и отпустил своего помощника в отпуск. Но потом задержался на несколько дней и уехал через неделю.

– Этот молодой человек был здесь, когда Рахимов работал в последний день? – уточнил Дронго.

– Нет, – ответила Рыбалко. – Я могу сесть, или мы будем разговаривать стоя?

– Можете, – ответил Дронго, – но сначала попросите молодого человека выйти отсюда, пока мы разговариваем. Он сможет вернуться минут через двадцать.

Полина Прокофьевна обошла свой стол, приблизилась к молодому человеку и что-то негромко сказала ему. Тот в знак согласия кивнул и быстро вышел из приемной. Вейдеманис прошел к дверям и плотно прикрыл их. Полина Прокофьевна уселась на свое место, Дронго и Эдгар устроились на стульях у ее стола.

– Вы знаете, зачем мы пришли? – уточнил Дронго.

– Конечно, знаю. Сначала мы проиграли тендер, а потом сбили нашего Чалмаева, – спокойно произнесла женщина.

«Слишком спокойно», – подумал Дронго.

– Как вас называть? – спросила женщина.

– Извините, мы не представились. Меня обычно называют Дронго. А это мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис.

– Я вас слушаю, господин Дронго.

– Нам сказали, что вы работаете здесь с момента основания компании?

– Да. И даже немного раньше. Я работаю с Сабитом Рахмановичем уже тридцать один год, – гордо сообщила Полина Прокофьевна, – еще с тех пор, когда он работал в Министерстве газовой промышленности, а потом в Газпроме. И в девяносто четвертом мы создали свою компанию.

Она так и сказала «мы», словно считала себя акционером фирмы. Дронго подумал, что это не было оговоркой.

– Вы акционер фирмы? – спросил он.

– Да, – гордо ответила Полина Прокофьевна, – у меня полпроцента акций нашей компании.

– Капитализация вашей компании составляет сто миллионов долларов, – вспомнил Дронго, – значит, вы являетесь обладателем полумиллионного пакета?

– Я не считала, сколько стоит мой пакет акций, – ответила женщина, – и я не собиралась его продавать, – добавила она.

– Кажется, все остальные вопросы уже не нужны, – обращаясь к Дронго, негромко произнес молчавший Вейдеманис.

По-своему он был прав. Если она акционер компании, то зачем ей выдавать секреты компании и наносить ущерб не только своей собственной организации, но и своим личным интересам.

– Давно у вас пакет акций?

– С самого основания компании, – пояснила Полина Прокофьевна – нас осталось совсем немного. Тех, кто начинал почти двадцать лет назад. Еще в девяносто четвертом году.

– Вы были здесь, когда готовился окончательный вариант заявки?

– Да. Я напечатала ее на своем компьютере. И отнесла на подпись. Потом конверт запечатал сам Вадим Олегович и отправил его нарочным.

– Конверт можно было вскрыть и прочитать, что там написано?

– Нет, нельзя. Он был запечатан и заклеен. Его можно было разорвать, но нельзя было открыть, иначе это было бы заметно. Мы отправили его нарочным и нашей службой безопасности. Конверт сопровождали два сотрудника службы.

– Кто-нибудь мог узнать окончательную цифру? Как вы сами считаете?

– Наверно, мог, если они предложили заплатить им всего на две тысячи меньше. Понятно, что они знали нашу цену и поэтому предложили чуть меньше. Но кто мог им выдать эту информацию, я не понимаю.

– А как вы сами считаете? Кто это мог сделать?

– У нас на работе никто не мог об этом узнать даже случайно, – пояснила Полина Прокофьевна. – Из наших знали только трое руководителей. Рахимов, Трегубов и Каплан. Но никто из них не стал бы рассказывать эту информацию чужому. У всех троих большие доли акций. У Сабита Рахмановича вообще сорок процентов. И наивно предполагать, что кто-то из них мог сделать нечто подобное.

– Чалмаев появился у вас недавно?

– Да. Только три года. Он заменил Савельева. Тот решил переехать в деревню к внучке. Ему уже шел семьдесят шестой, и он решил уйти на покой. Вот тогда у нас и появился Андриян Максакович.

– И сразу начал ставить камеры наблюдения?

– Это вы тоже успели узнать. Да, в том числе и камеры.

– Вы верите, что наезд на Чалмаева не был случайным?

– Не могу точно сказать, но думаю, подобные аварии не бывают случайными. Тем более в такой важный момент. Трегубов и Каплан были в шоке, узнав результаты тендера. И Сабит Рахманович тоже сильно переживал, несколько раз звонил из Америки, хотя там была в это время глубокая ночь. И ему нужно было готовиться к операции.

– Как он сейчас себя чувствует?

– Спасибо, уже лучше. Рядом с ним находится его дочь.

– Нам уже рассказывал об этом Вадим Олегович.

– Представляю, как он переживает. Ему тоже неприятно, что с тендером произошла такая накладка. Кто мог предположить, что появится этот сладкоголосый «Орфей», который в последний момент перебьет нашу цену, – пояснила Полина Прокофьевна.

– У вас высшее образование, – неожиданно сказал Дронго, – и наверно, филологическое?

– Да, – удивилась женщина, – а почему вы спросили? Вы смотрели мои данные? Или вас удивляет, что я сижу в приемной в качестве обычного секретаря? Мы работаем с Сабитом Рахмановичем уже много лет.

– Не удивляет, – усмехнулся Дронго, – просто вы используете слишком много слов, которые в обиходе среднестатистические секретари не используют. Слова «накладка», «перебить цену», «сладкоголосый Орфей», – все эти слова свидетельство еще и вашего интеллекта.

– Спасибо, – улыбнулась женщина, – не думала, что кто-то сумеет провести анализ моей речи. Итак, что еще вас интересует?

– Вы сказали «сбили Чалмаева». Означает ли это, что вы согласны с утверждением Трегубова, что это был сознательный наезд?

– Абсолютно, – кивнула Полина Прокофьевна, – дело даже не в том, что эту машину до сих пор не нашли. Я уверена, что после случившегося за всеми нами следили. Очевидно, понимая, что рано или поздно мы сумеем вычислить человека, который сдал эту информацию.

Дронго переглянулся с Вейдеманисом.

– Почему вы решили, что за вами следят? – спросил он.

– Об этом мне сообщил сам Чалмаев, – пояснила женщина, – буквально накануне своей гибели. Мы с ним как раз об этом разговаривали. И за день до его смерти я поняла, что у меня в квартире были чужие. Я ведь живу одна и прекрасно помню, куда и зачем переставляю ту или иную вещь. И когда я вернулась домой, то поняла, что в квартире побывали посторонние.

– Они что-то искали?

– Не думаю. Но кто-то был. Я даже хотела написать заявление в полицию. Потом решила, что все равно ничего не смогу доказать, раз из дома ничего не пропало, и просто поставила свою квартиру на охрану, оплатив услуги. А для себя сделала выводы: дороги я перехожу только в положенных местах и вообще пользуюсь метро. Мне удобно, станция практически рядом с моим домом.

– И вы никому не рассказывали о случившемся?

– Вы – первые. Знаете, как обычно бывает в подобных случаях. Подумают, старая дева, и ей мерещатся всякие ужасы после случайной аварии с Чалмаевым. Я понимала, что могу стать объектом насмешек. А мне этого не хотелось. И я решила никому ничего не говорить, подождать, пока вернется Рахимов. Тем более что там операция прошла благополучно и он скоро должен приехать в Москву.

– В каком доме вы живете?

– В обычном двенадцатизэтажном. На десятом этаже, – ответила Полина Прокофьевна.

– На лестничной клетке еще есть квартиры?

– Да. Две соседские квартиры. Не понимаю смысла ваших вопросов.

– У кого есть ключи от вашей квартиры?

– Ни у кого. Запасные находятся у меня дома. А теми, что я пользуюсь, в сумочке, которая лежит рядом со мной, – пояснила Полина Прокофьевна.

– И сумочка остается здесь, когда вас вызывает Рахимов или вы выходите из приемной, – заметил Дронго.

– Да, – поколебавшись, согласилась женщина, – но до сих пор в нашей компании ничего подобного не происходило. И никто никогда не рылся в моей сумочке, в этом вы можете быть уверены. Или вы считаете, что кто-то мог сделать дубликаты ключей?

– Во всяком случае, удобнее всего сделать их именно на работе, – сказал Дронго.

– Возможно, – согласилась она, – но у нас никогда не случалось ничего подобного. И поэтому я спокойно оставляла свою сумочку на рабочем месте. У вас есть какие-то сомнения по этому поводу?

– У вас двое соседей, – напомнил Дронго, – и многоквартирный дом. Если кто-то был у вас в квартире, то они рисковали оказаться замеченными. Им нужны были ключи, чтобы

сразу войти в вашу квартиру. Или это были профессионалы, сумевшие открыть дверь. Хотя я уверен, что у вас надежные замки. Вы можете показать мне ваши ключи?

Вместо ответа женщина вытащила из сумки связку ключей и протянула ее Дронго. Он взял ключи, посмотрел, удовлетворенно кивнул, возвращая их женщине.

– Тяжелый сейфовый замок, – сказал Дронго, – и, наверно, такая же дверь, которую вы поменяли при въезде?

– Верно, – согласилась женщина, – я считала, что так будет правильно. И вы считаете, что дубликаты ключей могли сделать у меня на работе?

– Возможно, – ответил Дронго, – я пока не сделал определенных выводов. Это только подозрения.

– Какие именно?

– Может, это сотрудники Чалмаева искали у вас дома какие-нибудь материалы, связанные с проведением тендера? – предположил Дронго.

Полина Прокофьевна прикусила губу. Было заметно, что даже подобное предположение она считала оскорбительным.

– Вы полагаете, что мне настолько не доверяют в нашей компании, что решили сделать незаконный обыск в моей квартире? – спросила она, волнуясь.

– Я не хотел вас обидеть, – признался Дронго, – просто мне кажется логичным, что бывший следователь Чалмаев попытается любым способом узнать, кто именно мог сдать окончательные цифры вашим конкурентам.

– Извините меня, господин эксперт, но ваша логика в данном случае ущербна, – заявила Полина Прокофьевна. – Я убеждена, что в нашей компании мне все еще доверяют и Чалмаев не стал бы посылать своих сотрудников делать незаконные обыски в моей квартире.

– Значит, в вашей компании есть другие люди, которые связаны с вашими конкурентами, – пояснил Дронго, – и тогда все представляется намного хуже, чем представлялось до сих пор.

– У нас в коридорах повсюду стоят камеры, – напомнила женщина, – и если кто-то чужой попытается войти в приемную, то его бы сразу увидели операторы службы безопасности. У нас пропускная система, и на нашем этаже не может просто так появиться чужой.

– Это еще хуже, – упрямо возразил Дронго. – Значит, был свой, кто мог сделать дубликат. А это совсем плохо.

– Мне кажется, вы ошибаетесь, но в любом случае вы можете переговорить со Славой Рыжанковым, исполняющим обязанности начальника нашей службы безопасности после смерти Чалмаева. Хотя с Рыжанковым сложно общаться.

– Мы с ним поговорим, – пообещал Дронго, – а сейчас меня интересует семья Трегубова. Могу вам сообщить, что Вадим Олегович назвал окончательные цифры Лазарю Марковичу у себя на даче, где не было посторонних людей. Никого, кроме членов его семьи.

– Мне кажется, что будет правильно, если вы поговорите на эту тему с самим Трегубовым и членами его семьи, – заметила Полина Прокофьевна.

– Вы ведь знаете, что мы приехали сюда по приглашению самого Трегубова, – напомнил Дронго, – и поэтому нам важно узнать именно ваше мнение. Вы хорошо знакомы с семьей первого вице-президента?

– Не очень. Знаю только его сына, он работает у нас. Способный парень, хотя звезд с неба и не хватает. – Она была жестким и принципиальным человеком, какими становятся все одинокие люди в пожилом возрасте.

– А супруга Трегубова? Она его вторая жена?

– Я ее почти не знаю. И не знала его первую супругу. Он тогда работал в другом месте, и мы не были знакомы. Нет, я недостаточно хорошо знаю его семью, чтобы быть вам полезной.

– Спасибо, – Дронго поднялся. Следом встал Вейдеманис.

– Ваш друг не задал ни одного вопроса, – неожиданно сказала Полина Прокофьевна. – Это означает, что его ничего не интересует или ему все понятно?

– Обычно вопросы задает наш эксперт, – пояснил Эдгар, – а я всего лишь его помощник.

– Ясно, – кивнула она, – такой вариант ведущего и ведомого. Будем считать, что вы меня убедили. Больше вопросов у вас нет?

– Есть, – ответил Дронго, – последний вопрос. Какие отношения между Трегубовым и Капланом?

– Деловые, – чуть подумав, произнесла Полина Прокофьевна, – не скажу, что особо дружеские, но нормальные. Деловые, ровные, рабочие.

– Но в тот день Лазарь Маркович поехал на дачу к Трегубову, что предполагает определенные отношения между ними – более чем обычные служебные.

– Я думаю, они не так часто встречаются на даче Вадима Олеговича, – сказала Рыбалко, – наверно, в тот вечер это было необходимо, учитывая отъезд Сабита Рахмановича на операцию. Поэтому господин Каплан отправился к Вадиму Олеговичу на дачу. Я уверена, они встречались в такой обстановке не больше одного-двух раз за последние годы. У вас есть еще вопросы?

– Нет, – ответил Дронго, – спасибо и извините, что мы вас побеспокоили. Как найти Рыжанкова?

– В другом конце коридора. Он сидит в кабинете Чалмаева, – сообщила Полина Прокофьевна.

Они попрощались и вышли в коридор.

– Что ты думаешь об этом вторжении? – спросил Вейдеманис.

– Кто-то из своих сумел снять дубликаты ее ключей, – убежденно ответил Дронго. – Ты же видел эти ключи, там солидные замки, что неудивительно, учитывая ее образ жизни. Нужно было либо вызывать профессиональных взломщиков с отмычками, либо делать дубликаты ключей, что гораздо удобнее. Конечно, Рыбалко не ошибается, в ее квартире побывали чужие, в этом нет никаких сомнений, ведь она действительно живет одна и отлично знает, куда и что кладет. Значит, нужно искать этого человека среди сотрудников их компании. Только непонятно, что именно могли искать в ее квартире, если она не замешана в утечке информации.

– Ты думаешь, что такая женщина могла сдать информацию конкурентам? – недоверчиво спросил Вейдеманис. – Ты же ее видел. Кремень, а не человек. Почти стопроцентная гарантия, что она никому не сообщала эти цифры.

– Я тоже так думаю, – согласился Дронго, – но кто-то подумал иначе и проверил ее квартиру. И вот здесь возникает психологический момент. Ведь свой должен был тоже понимать, что, во-первых, ее нельзя ни купить, ни запугать, во-вторых, она не станет идти ни на какие компромиссы. А полпроцента акций компании делают ее достаточно богатым и состоятельным человеком, чтобы не зависеть от кошелька и мнения остальных людей. Поэтому у нас в этом месте появился большой знак вопроса.

Он не успел договорить. По коридору, чуть прихрамывая, к ним шел молодой человек. Левая рука у него висела, словно плетъ.

– А вот и господин Рыжанков, – негромко произнес Дронго, – собственной персоной. Видимо, операторы уже успели увидеть нас в коридоре и доложить об этом своему шефу.

Глава 5

Рыжанков подошел к ним. Несмотря на возраст, он был абсолютно седой. Очевидно, сказывались перенесенные испытания. На левой стороне лица глубокий шрам, уходивший вверх под волосяной покров. Когда он заговорил, эта сторона лица у него задергалась.

– В-вы эксперты, о которых меня п-предупреждал Вадим Олегович?

– Да. Меня обычно называют Дронго, а это мой напарник – господин Эдгар Вейдеманис. Мы хотели бы с вами побеседовать.

– К-конечно. П-пройдемте в мой кабинет, – предложил Рыжанков.

Они прошли по коридору. Его кабинет был крохотным, очевидно, раньше здесь находилось подсобное помещение. Рыжанков показал им на стулья, приглашая садиться. Устроился на своем месте. Перед ним стояли два монитора. Экран одного из них был разбит на восемь правильных частей, на них были изображения, передаваемые с камер с разных этажей здания, в том числе и с восьмого этажа.

– Я в-вас слушаю, – сказал Рыжанков.

– Простите, как ваше имя-отчество? – спросил Дронго.

– В-вяслав Сергеевич, – представился Рыжанков.

– Вы знаете, что у вас произошло с итогами тендера две недели назад?

– Об этом знает весь м-мир, – дернулось лицо у Рыжанкова, – в-все газеты написали...

Как мы п-проиграли тендер...

– И вы проводили специальное расследование по этому поводу?

– Д-да. Трегубов поручил нам разобраться. Мы п-проверили все кабинеты, все к-камеры. Н-ничего не нашли. Он п-пригласил еще одного специалиста из «Истока». Это с-специальная частная охранная фирма, у которой есть необходимое для сканирования помещений оборудование.

– Они проверяли, нет ли установленных в вашем здании «жучков»? – уточнил Дронго.

– И не только у н-нас. Еще п-проверяли дачу В-вадима Олеговича.

– И ничего не нашли?

– Нет, – покачал головой Рыжанков.

– И на этом ваше расследование закончилось?

– Н-не закончилось. Мы п-пытались выйти на «Орфей», чтобы узнать у них, но не успели.

Чалмаев п-погиб.

– И вы считаете его смерть случайной?

– Н-не знаю. Фактов п-пока нет. Но в-возможно, она не случайная. Идет расследование.

– А вы сами не пытались расследовать обстоятельства его гибели?

Рыжанков удивленно посмотрел на гостей. Лицо снова дернулось.

– Н-не понимаю, каким образом? Мы не имеем п-права п-проводить такие расследования.

– Да, конечно. Но внутреннее расследование вы тоже приостановили? Ведь до сих пор так и не известно, кто выдал информацию вашим конкурентам?

– Мы п-подумали, что информацию выдали в тендерной комиссии, – пояснил Рыжанков, – иначе ничего не п-получается. Окончательную цену н-назвали днем в кабинете Рахимова п-перед его отъездом. О ней знали т-только Полина П-прокофьевна и Трегубов. Вечером узнал и Лазарь Маркович. Б-больше никто. Насчет семьи я не д-думаю, зачем им п-подслушивать разговоры своего мужа и отца? Наверняка наш конверт вскрыли и узнали цену, чтобы н-нарисовать свою. Они были в сговоре. Но н-ничего нельзя доказать.

– «Принцип Оккама», – сказал Вейдеманис, обращаясь к Дронго.

– Что? – не понял Рыжанков.

– Принцип Оккама, – повторил Эдгар. – Был такой английский математик, который сформулировал правило «не умножай сущее без необходимости». Согласно этому правилу, наибольшие шансы имеет наиболее простая версия.

– Т-тогда все правильно, – сказал Рыжанков, – мы тоже так п-подумали. Это наиболее логичное объяснение.

– Простите, Вячеслав Сергеевич, – возразил Дронго, – но наиболее простое и логичное объяснение, что утечка информации произошла именно из вашей компании. Или из окружения вашего первого вице-президента. Гораздо логичнее найти источник информации у вас, чем предполагать вскрытие конверта в тендерной комиссии. Это довольно сложно сделать, господин Рыжанков. Представьте себе, какое количество людей узнало бы об этом. Нужно было достать конверт, вскрыть его, подделать подписи и печати. Это слишком опасно. Об этом могут узнать посторонние, и итоги тендера будут автоматически пересмотрены. В комиссию входят независимые эксперты, которые обратят внимание на поврежденные печати и конверт. И этих людей сложно будет заставить замолчать или купить. Поэтому разрешите с вами не согласиться. Принцип Оккама как раз состоит в том, чтобы идти по пути наименьшего сопротивления.

– Тогда мы снова п-продолжим расследование, – недовольно дернулся Рыжанков, – но нам п-придется допрашивать членов семьи Вадима Олеговича. А ему это очень не п-понравится.

– Конечно, не понравится, – согласился Дронго. – На кого вы выходили в «Истоке»?

– Там есть вице-президент Дмитрий Кремей. Они работали вместе с Чалмаевым, и он обращался к нему. Это я точно знаю.

– И на «Орфей» вы тоже самостоятельно не выходили?

– Нет. Мне кажется, что нет. Хотя у Чалмаева был телефон руководителя этой компании. Он узнавал для Трегубова. Абессалом Константинович Тордуа. Кажется, р-раньше он работал в разных коммерческих структурах. И его знал Андриян Максакович. Но б-без него мы уже не стали никуда выходить. Слишком в-все оказалось неожиданным.

– Вы посылали кого-нибудь в квартиру Полины Рыбалко? Или слышали о том, что кого-то посылал туда Чалмаев?

– Н-нет, – изумился Рыжанков, – никто не мог давать такие задания.

– Ваши камеры работают круглосуточно или их отключают на ночь? – спросил Дронго.

– Конечно, работают. Мы их не отключаем.

– И вы можете быть уверены, что никто не мог войти в служебный кабинет кого-то из руководителей и установить там подслушивающие устройства?

– Незаметно? Н-не могли. Это н-невозможно.

– Тогда почему вы проверяли кабинеты, точно зная, что никто из посторонних не мог туда войти и установить «жучки»? Ведь Чалмаев бывший следователь и должен был четко понимать такие вещи. И вы тоже не ребенок, простите за откровенность. Тогда почему вы все-таки решили пригласить специалистов для проверки?

– Мы п-понимали, что чужого не было, – дернулся Рыжанков, – но это еще х-хуже. Гораздо... хуже. Значит, такие «жу-жучки» мог установить кто-то свой.

– Так считал Чалмаев?

– Д-да. Он собирался все п-проверить.

– А вы лично кого-то подозреваете? Ведь кроме Рахимова об этом узнали Трегубов, Кап-лан и Рыбалко?

Рыжанков удивленно посмотрел на гостей. Медленно покачал головой.

– Они не могли. Они все акционеры компании. Даже П-полина П-прокофьевна. Нет, они не могли.

– Тогда остается семья Трегубова, – сказал Дронго.

Рыжанков пожал плечами.

– Там тоже п-проверяли, – напомнил он.

– Проверяли на предмет подслушивающих устройств, – возразил Дронго, – но не проверяли каждого из подозреваемых.

– Каким образом? – усмехнулся Рыжанков. – Нужно было д-допрашивать членов его семьи? Его сын работает у нас.

– Значит, вы просто остановили свое служебное расследование после смерти Чалмаева? – не успокаивался Дронго.

Рыжанков молчал. Минуту, потом вторую. Наконец произнес:

– Мы ждем р-результатов расследования. И не можем следить за членами семьи Трегубова.

– И как долго вы будете ждать результатов расследования? Если это действительно убийство, то водителя и машину могут не найти, – заметил Дронго.

– Мы не можем быть следователями, – возразил Рыжанков, чуть нахмурившись, – это не наше дело. И так поступать незаконно.

Вейдеманис выразительно посмотрел на Дронго.

– Мы хотим поблагодарить вас за беседу, – сказал эксперт, поднимаясь.

Рыжанков пожал им на прощание руки. Они вернулись в приемную Трегубова, где симпатичная секретарь разрешила им войти в кабинет первого вице-президента без доклада. Хозяин кабинета беседовал с женщиной лет шестидесяти. Увидев входивших гостей, он прекратил говорить, жестом отпустив своего сотрудника.

– Что-нибудь выяснили? – спросил Вадим Олегович, показывая на стулья.

– Много интересного, – признался Дронго, усаживаясь на стул, – во-первых, выяснилось, что кто-то уже побывал в доме секретаря вашего директора.

– Не может быть, – удивился Трегубов, – она нам ничего не говорила. Неужели действительно кто-то пытался к ней влезть?

– Не пытался, а влез. Она уверена в том, что у нее в квартире побывали.

– Фантастика. Почему эта старая дура столько времени молчала? Или она не понимает, что у нас происходит?

– Ей не хотелось вызывать полицию, так как в доме ничего не пропало. Но она уверена, что там были посторонние.

– Тогда зачем они туда полезли? Забрать ее девичье белье? – грубо спросил Вадим Олегович. – Или украсть ее старые фотографии? Или считали, что она держит там служебные документы?

– Очевидно, у них была какая-то конкретная цель, о которой мы пока не знаем.

– Может, ей пока вообще не жить дома?

– Она уже поставила свою квартиру на охрану, – сообщил Дронго. – Я думаю, пока ей ничего не угрожает.

– Столько времени молчала, чтобы сегодня рассказать? – разозлился Трегубов. – Или она ждала именно вас?

– После смерти Чалмаева она не хотела лишний раз вас беспокоить, – пояснил Дронго, – и я полагаю, что она поступила правильно. Кстати, господин Каплан вычислил возможную случайность совпадения вашей суммы с заявленной суммой компании «Орфей».

– Одна двадцатимиллионная, – усмехнулся Трегубов, – он мне уже говорил.

– Случайность смерти Чалмаева тоже вызывает вопросы, на которые пока никто не дал ответа. Судя по установленным камерам, чужих в вашей компании не могло быть и тем более на вашем этаже, где даже наше появление было замечено Рыжанковым. Поэтому «жучки» не могли установить гости, им пришлось бы отключать все системы наблюдения. Значит, это мог сделать кто-то из ваших. А потом еще нужно было их убирать, рискуя нарваться на сотрудни-

ков вашей службы безопасности. Если человек, который их устанавливал, не полный дурак, то должен был понимать, что его легко вычислят. И, что гораздо хуже, обнаружив подобные устройства в вашем офисе, подадут жалобу в тендерную комиссию и опротестуют результаты конкурса.

– То есть вы исключаете возможность установки таких устройств в нашем офисе? – понял Трегубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.